

НГУЕН ФАН
КЮЭ МАЙ

Дитя пыли



Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(597)

ББК 84(5Вье)-44

НЗ7

Nguyễn Phan Quế Mai

DUST CHILD

Copyright © Nguyễn Phan Quế Mai, 2023

All rights reserved

Публикуется с разрешения *Algonquin* (импринт *Workman Publishing Co. Inc.*, подразделение *Hachette Book Group, Inc.*, Нью-Йорк, США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия), через Игоря Корженевского

Перевод с английского Натальи Фрумкиной

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Научный редактор Кирилл Котков

Нгуен Фан Кюэ Май

НЗ7 Дитя пыли : роман / Нгуен Фан Кюэ Май ; пер. с англ. Н. Фрумкиной. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2025. — 480 с. — (Розы света).

ISBN 978-5-389-28143-1

Эта история об утраченных идеалах, человеческой преданности и трудном искуплении начинается во время войны во Вьетнаме и продолжается в наши дни.

1969 год, Сайгон. Разрушительная война набирает обороты, и две сестры, Чанг и Кюинь, желая помочь родителям расплатиться с долгами, покидают родную деревню и устраиваются официантками в столичный бар. Но в большом городе наивных девушек ждет жестокое прозрение: чтобы заработать, им придется научиться не только английскому языку, но и искусству «утешения» американских солдат! Светясь кукольными улыбками, а внутренне сжав зубы, сестры развлекают солдат, пока старшая из девушек не знакомится с Дэном, милым пилотом вертолета из США. Между молодыми людьми мгновенно вспыхивает настоящая страсть...

Спустя десятилетия американский ветеран Дэн Эшленд вместе с женой Линдой летит во Вьетнам, чтобы разобраться с призраками прошлого, — и это путешествие перевернет всю его жизнь.

УДК 821.111(597)

ББК 84(5Вье)-44

© Н. Фрумкина, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28143-1

Посвящается тем вьетнамским потомкам американских военнослужащих и членам их семей, которые делились со мной личными историями и вдохновляли меня своей отвагой. Миллионам мужчин, женщин и детей, которых унесло вихрем Вьетнамской войны. Всем, чьих жизней коснулось насилие. Пусть на нашей планете будет больше сострадания и мира.

Во время Вьетнамской войны от связей между американскими военными и вьетнамскими женщинами родились десятки тысяч детей. Трагические обстоятельства лишили большинство из них общества отцов, а потом и матерей. Впоследствии многие родные так и не нашли друг друга.

ДИТЯ ВРАГА

Хошимин, 2016 год

— Жизнь — это лодка, — сказала однажды сестра Ня, католическая монахиня, которая вырастила Фонга. — Когда оторвешься от первого якоря, материнской утробы, тебя понесут вдаль неведомые течения. Если сумеешь набрать в свою лодку достаточно надежды, веры в себя, сострадания и любопытства, то сможешь вынести любые шторма жизни.

Ожидая в американском консульстве, Фонг чувствовал, что надежда имеет вес, потому что держал в руках заявления на визы для себя, своей жены Бинь, сына Тая и дочери Зьем.

Вокруг него многочисленные вьетнамцы сидели на стульях или стояли друг за другом и ждали, когда придет их очередь поговорить с одним из сотрудников визовой службы, которые расположились в кабинках за стеклянной перегородкой. Некоторые вьетнамцы косились в сторону Фонга, и он чувствовал жар их любопытных взглядов, воображая, как люди шепчут друг другу: «Полукровка!»

Его всю жизнь называли мусором, ублюдком, черным американским империалистом, сыном врага. По-

добные ярлыки навешивали на него с такой яростью, что они с юных лет Фонга засели где-то глубоко внутри и не забывались. Ребенком, живя с сестрой Ня в новой экономической зоне Ламдонг, он однажды набрал в большую бадью мыльной воды, забрался в нее и стал тереться мочалом из люфы в надежде избавиться от черноты. К тому времени, как сестра Ня нашла мальчика, кожа уже кровоточила. Он не переставал задаваться вопросом, зачем его угораздило родиться сыном американца.

— Не волнуйся, держись уверенно, и все получится, *ань*¹, — прошептала, потянувшись к нему, Бинь, и он почувствовал, как на запястье легла ее мозолистая ладонь.

Фонг кивнул, нервно улыбнулся и взял руку жены в свою. Эта рука готовила его пищу, стирала одежду и помогала латать жизнь, когда на той появлялись прорехи. Эта рука удерживала на плаву и самого Фонга, и их детей, а ее обладательница танцевала с ними и приносила урожаи с рисового поля. Он любил и эту руку, и каждую мозоль на ней, как любил вообще все в Бинь, и собирался выполнить свое обещание отвезти жену в Америку. Прочь от мусорных свалок, где она работала, сортируя пластик, бумагу и металлы.

Сидевшие рядом с Бинь Тай и Зьем помахали отцу. В свои четырнадцать и двенадцать они были уже почти с мать ростом, унаследовав ее большие глаза и лучезарную улыбку. А от отца им достались цвет кожи и кудрявые шевелюры.

¹ Дословно «старший брат», обращение к мужчине. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Не забывайте, какие вы красивые, — сказал детям Фонг, когда им всем еще только предстояло проделать пятичасовое путешествие, чтобы оказаться здесь. Он часто так говорил, зная, какие надменные взгляды нередко бросают на сына и дочь вьетнамцы, почти всегда питающие больше уважения к тем, у кого светлая кожа.

Тай вернулся к своей книге. Сломанные пополам и скрепленные скотчем очки в металлической оправе норовили соскользнуть с переносицы сына. Надо бы еще раз поговорить с соседями, напомнил себе Фонг, предложить более высокую цену за их кусок поля. Тогда к празднованию Нового года он вырастит там маш, а на вырученные от продажи урожая деньги они смогут позволить себе и очки для Тая, и платье для Зьем. Сейчас дочь была в старой одежде брата, и лодыжки девочки торчали из слишком коротких штанов.

В кабинке напротив американский служащий протягивал молодой женщине голубой листок. Этот цвет был слишком хорошо знаком Фонгу. Голубой означает отказ. Женщина отошла, а в душе у Фонга стала нарастать паника.

Он попытался припомнить, что нужно говорить во время собеседования. Вместе с семьей он ходил на подготовку к этому мероприятию, и ответы на вопросы были выгравированы у него в памяти — так мастер вырезает в древесине птиц и цветы, — но сейчас в голове не осталось ничего, кроме пустоты.

— Номер сорок пять, третье окно, — донеслось из громкоговорителя.

— Это нас, — сказала Бинь.

Идя к окну вместе с женой и детьми, Фонг твердил себе, что надо сохранять спокойствие. Пока у него есть семья, он не даст себя запугать. И станет бороться за возможность дать лучшую жизнь Бинь, Таю и Зьем.

Фонг склонил голову, приветствуя сотрудницу визовой службы, белокожую блондинку с прямым носиком, которая выглядела точь-в-точь как американка из фильмов. Та никак не отреагировала на поклон, не сводя глаз с монитора компьютера. Фонг тоже посмотрел туда, гадая, какие тайны там хранятся. Когда он доберется до Америки, то станет много работать и купит компьютер для Тая и Зьем. Дети как-то водили его в городское интернет-кафе показать, как работает эта машинка. Они говорили, что, возможно, когда-нибудь Фонг найдет родителей и сможет послать им весточки через Сеть. Но появится ли у него такой шанс в действительности? Он ведь даже не знает, живы родители или нет.

Служащая повернулась к нему.

— Доп-раи утьро, — старательно выговорил Фонг, надеясь, что правильно произнес приветствие. Много лет назад он учился основам английского, но знания испарились, как капли дождя во время засухи. И добавил: — *Chào bà*, — чтобы американка не решила, будто он свободно владеет ее языком.

— *Cho xem hộ chiếu*², — ответила она.

У нее хорошо получалось говорить по-вьетнамски, но Фонга беспокоил северный акцент сотрудницы. Он

² Покажите паспорт (вьетнам.).

напоминал о горах и офицерах-коммунистах, которые били его в расположенных там исправительных лагерях почти тридцать лет назад.

Фонг аккуратно извлек документы из папки и положил в ящик под стеклянным окном. Они с женой отдали Куангу, визовому агенту, все свои сбережения, чтобы сделать паспорта, заполнить заявления на визы и отправить их по нужному адресу. Куанг заверил, что в Америке им не придется тревожиться о деньгах: ежемесячное правительственное пособие легко позволит выжить.

Женщина проглядывала документы, печатая на компьютере. Потом отвернулась и позвала кого-то. Появилась молодая вьетнамка, заговорившая с сотрудницей по-английски. Фонг склонил голову набок, прислушиваясь, но звуки напоминали увертливую рыбу и ускользнули прежде, чем он успел хоть что-то разобрать.

— Что происходит? — прошептала Бинь. Фонг приобнял жену, зная, что это поможет ей успокоиться. Бинь так боялась опоздать на это собеседование, что заставила всю семью сесть в автобус накануне. Они приехали сюда из Бакльеу, ближайшего к ним города, в четыре утра, а потом пришлось ждать у входа, пока консульство откроется.

Вьетнамка посмотрела на него.

— Дядюшка Нгуен Тан Фонг, вы подаете заявление на визу в соответствии с законом о возвращении на родину американо-азиатов?

До чего же славно, что она добавила уважительное обращение «дядюшка» и упомянула закон, на который

Фонг рассчитывал! Это вселяло надежду. «Возвращение на родину» — священные слова, от звука которых его сердце начинало биться быстрее. У него есть право поехать в свое отечество, домой. Глаза защипало. А девушка вдобавок назвала его, полукровку, *че лай* — американо-азиатом. Фонгу всегда было неуютно, когда его обозначали как *кон лай*, ведь «кон» означает «ребенок», «малыш» или «зверек». А он никакое не животное.

— Да, мисс, — сказал Фонг.

— С вами будет беседовать другой сотрудник. Вот в том кабинете. — Она показала направо. — А члены вашей семьи пусть присядут и подождут снаружи.

Бинь подалась вперед:

— Мой муж не умеет читать. Может быть, вы разрешите мне сопровождать его?

— Я ему помогу, — бросила девушка, удаляясь.

В просторном кабинете горели лампы дневного света, а вот окон не было, и Фонг посочувствовал тем, кому приходится тут работать. Пусть его собственный дом и невелик, зато в нем всегда свежий воздух, который круглый год врывается в распахнутые окна ветерком, приносящим аромат цветов и птичьи трели.

Объектом его сочувствия оказался пухлый белокожий мужчина в голубой рубашке и синем галстук в тон. Сотрудник восседал за квадратным письменным столом коричневого цвета.

Девушка встала возле стола, а Фонг сел в кресло напротив. На стене справа от него висел большой портрет президента Обамы. Несколько лет назад дети Фонга примчались домой, крича и требуя, чтобы он скорее шел с ними. Все вместе они бросились к со-

седнему дому, остановились перед оградой и уставились через открытое окно на экран телевизора, где показывали репортаж о том, как мистер Обама стал первым чернокожим президентом Соединенных Штатов.

— Америка — страна иммигрантов, — говорил Обама людям, которые собрались вокруг, чтобы его поприветствовать.

Фонг уже много лет мечтал поехать в Америку, но с того дня это стало целью его жизни. В стране, население которой проголосовало за чернокожего, уж всяко должно быть лучше, чем здесь, где таких, как он, порой называют *mọi*, что значит «варвар» или «дикарь». Однажды, когда Фонг пытался наняться посудомойщиком в уличный киоск, где готовили традиционные блюда, хозяйка киоска подняла его на смех.

— Посмотри на свою кожу, — зубоскалила она. — Мои покупатели разбегутся, подумают, что от твоих рук тарелки только грязнее становятся.

Тем временем сотрудник визовой службы за столом взял его паспорт.

— Нгуен Тан Фонг, — произнес он, опустив при этом все восходящие и нисходящие интонации. В его устах полное имя Фонга означало «стихший порыв ветра», а не «сила тысячи порывов ветра», как задумывала сестра Ня, называя приемыша.

Фонг поднялся. Человек за столом начал что-то говорить ему, но смысл слов снова ускользал.

— Поднимите руку и поклонитесь, что вы принадлежите к смешанной расе, являетесь потомком американского гражданина и не лжете, — перевела вьетнамская девушка.

Агент Куанг подготовил его к этой части интервью. Фонг поднял руку и проговорил:

— Клянусь, что я *че лай*. Клянусь, что не лгу, и все, что я говорю, — правда.

— Откуда вам известно, что вы действительно наполовину американец? — через переводчицу поинтересовался мужчина за столом.

— Сэр, посмотрите на цвет кожи... Меня с детства дразнят черным американцем.

— Но разве вы не можете быть потомком кхмеров?

— Нет, сэр. Матери-кхмерке незачем бросать своих детей. Я был... я вырос в приюте.

— Значит, у вас есть доказательства, что вы являетесь сыном военнослужащего армии США?

— Я не знаю, сэр, кем были мои родители. Но я наполовину американец, это точно. Кхмеры — народ низкорослый, а у меня рост метр восемьдесят. И борода... Сэр, у кхмеров такой бороды не бывает. — И он коснулся густой поросли, которая сбегала от самых глаз к подбородку, почти целиком закрывая щеки. Хотя зуд порой становился совершенно невыносимым, Куанг настаивал, чтобы перед интервью Фонг не брился хотя бы пару недель.

— А раньше вы обращались в наше консульство за иммиграционной визой?

Фонг моргнул. Проклятье! Куанг уверял, что копать так глубоко никто не станет.

— Вы подавали раньше на иммиграционную визу Соединенных Штатов? — перефразировал вопрос его собеседник.

— Я... я не припоминаю. — Фонг вцепился в папку с документами. Ладони вспотели.

— Не припоминаете? — покачал головой сотрудник консульства. — Тогда позвольте мне освежить ваши воспоминания. В анкете вы указали, что обращаетесь за визой впервые, но вот тут у меня ваше предыдущее обращение. — Он помахал листком бумаги.

По спине Фонга пробежал холодок. Листок пожелтел, но не узнать молодого человека на прикрепленном к нему снимке было нельзя. Это был он сам в те времена, когда думал, что не сможет обзавестись хорошей семьей. Он сам, нетерпеливый и полный надежд. Как раз перед тем, когда господин Кхуат сделал этот снимок, Фонг смахнул с лица слезу счастья.

— Это ваше первое заявление на визу, верно? — уточнил человек за столом.

Фонг вытер потные ладони о штаны.

— Да, сэр. Это было очень давно.

— Больше двадцати лет назад. Скажите, почему тогда вам не дали визу?

Фонг разглядывал столешницу. Гладкую и сияющую, как зеркало. Тот, кто ее смастерил, хорошо постарался.

Если Фонг сможет поехать в Америку, то доведет до совершенства свои столярные навыки. Будет тратить почти все пособие на древесину и делать из нее разнообразную мебель, чтобы иметь возможность послать своих детей в лучшие школы. Он любил запах стружки и радостное чувство, которое возникает, когда доводишь какое-то дело до конца. И еще ему говорили, что в Америке можно воплотить любую мечту.

Если сейчас станет известна правда, не бывать ему в стране своих грез.

— Я не знаю, сэр, почему мне не дали визу. Наверное... наверное, я принес не все нужные документы.

Человек за столом покачал головой.

— В те времена их требовалось не так уж много. Иммиграционные визы выдавались людям просто на основании внешности. Одних только черт вашего лица должно было хватить. Скажите мне правду.

У Фонга пересохло в горле. Как бы хотелось выхватить пожелтевший листок из рук сотрудника консульства и разорвать в клочья! Уничтожить все, что понаписал этот пройдоха Кхуат.

Его собеседник нахмурился.

— Возможно, вы думаете, что причина нам неизвестна... но из вашего досье следует, что в прошлый раз вы пытались протащить с собой посторонних людей, выдавая их за членов своей семьи.

Эти слова пригвоздили Фонга к полу. Он не мог шевельнуться, не мог поднять головы.

— Дядюшка Фонг, вы должны что-то сказать. Объяснитесь, — обратилась к нему переводчица.

Фонг прижал к груди папку с документами. В нем пульсировала боль за жену и детей. Он должен бороться за право отвезти их в Америку!

— Сэр, я ведь неграмотный. Все бумаги для меня готовили Кхуаты. Они пообещали, что будут помогать мне в Америке, если я возьму их с собой. Я был молод и глуп, сэр, но в те времена так поступали многие дети американских солдат.

К горлу подступил комок.

— Попыткой вывезти в Америку посторонних людей вы использовали в своих интересах добрую волю нашего правительства. Вы нарушили закон. — Сотрудник консульства посмотрел ему прямо в глаза. — Чтобы мы рассмотрели ваше заявление на визу, теперь требуются веские доказательства. Одной лишь внешности больше недостаточно.

— Доказательства? Сэр, но какие?

— Доказательства, что вы на самом деле сын американского солдата. Например, документальные свидетельства того, что ваш отец состоял на военной службе, а также тесты ДНК, его и ваш.

— ДНК? — переспросил Фонг. Слово казалось каким-то невьетнамским. Может быть, переводчица неверно его произнесла?

— Есть такой анализ, он называется тест ДНК, — объяснила та. — По нему можно выяснить, кто ваши биологические родители.

Фонг говорил о поисках родителей со множеством народа, но никто даже не заикнулся про тест ДНК. Он уже было собрался спросить, где можно сделать такой анализ, но тут чиновник добавил:

— Если ваш отец — американец, вы должны найти друг друга и предоставить результаты тестов, которые покажут, что вы состоите в родстве.

— Вы говорите, сэр, что сперва я должен отыскать отца? Если вы позволите мне поехать в Америку, я его обязательно найду. — Он знал, что Америка — большая страна, но еще он слышал, что там все возможно.

Сотрудник консульства потянулся за голубым листком.

— Сэр... с моими детьми никто не дружит в школе. Дети из нашего района даже не разговаривают с ними. Тут у них нет шансов. Пожалуйста... — И Фонг показал фотографию детей, сделанную перед семейным домом. Тай и Зьем застенчиво улыбались, склонив друг к другу головы. Утверждение, что у них нет друзей, не совсем соответствовало истине, но Фонгу хотелось, чтобы его мольбы произвели как можно более сильное впечатление.

Человек за столом даже не взглянул на снимок. Он подписал голубой листок и вручил его Фонгу. Когда тот увидел громадное множество слов, то поморщился и отвернулся. Сестра Ня пыталась научить воспитанника читать, но написанные буквы не вызывали у него ничего, кроме страха. Фонг закрыл глаза, покачал головой и передал листок переводчице:

— Скажите, пожалуйста, что тут говорится?

Девушка откашлялась.

— Консульство США в Хошимине после проведения личного собеседования с сожалением сообщает, что ваше заявление о приеме в программу для детей американских военнослужащих не соответствует критериям, определенным в разделе 584 Государственного закона 100–202, поправкам в Государственный закон 101–167, Государственный закон 101–513 и Государственный закон 101–649 о возвращении на родину американцев азиатского происхождения. Если в дальнейшем вы сможете предоставить новые доказательства, подтверждающие ваш статус ребенка американского военнослужащего, дело будет пересмотрено. Чтобы претендовать на американскую визу, вам сле-

дует доказать сотруднику консульства, что ваш отец действительно служил в Вооруженных силах США. Ваше смешанное происхождение само по себе подтверждением не является. — Она вернула Фонгу голубой листок.

— Тот факт, что вы не сказали нам всей правды, может негативно сказаться на рассмотрении последующих заявлений, — заявил чиновник. — Сомневаюсь, что у вас хорошие шансы... но если у вас есть доказательства, пришлите их нам. До свидания.

«До свидания»? Нет, не может быть. Наверняка еще не все потеряно. Фонг шагнул вперед.

— Сэр, я сожалею, что оступился, но теперь я совсем другой человек...

Сотрудник посольства остановил его движением руки.

— Когда у вас будут доказательства, пришлите их нам. До свидания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ СТРАХА

Хошимин, 2016 год

— Дамы и господа, наш самолет идет на посадку. Пожалуйста, удостоверьтесь, что ремни безопасности надежно пристегнуты, а ручная кладь находится под передним сиденьем или в специальных секциях наверху.

Дэн Эшленд глубоко вздохнул и прижался носом к холодному иллюминатору, глядя вниз.

— Что-нибудь видно? — поинтересовалась Линда, наклоняясь к нему.

— Слишком облачно. — Дэн откинулся на спинку кресла, чтобы жене было лучше видно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как мы сядем, — улынулась она и сжала его руку.

Дэн кивнул и поцеловал Линду в макушку. Персиковый аромат ее волос успокаивал. Без нее Дэн бы не справился. Он ведь в свое время поклялся, что никогда сюда не вернется.

Самолет с ревом прокладывал путь через плотную облачность. Линда листала глянцево-белые страницы жур-

нала вьетнамской авиакомпании, разглядывая снимки роскошных вилл на вершинах покрытых буйной растительностью холмов в окружении белых песчаных пляжей и синих океанских волн. Оба супруга выросли в тесных маленьких квартирках, поэтому Дэн понимал одержимость жены красивыми домами и тот образ мыслей, благодаря которому она стала агентом по продаже недвижимости. Однако вместо того, чтобы просто гнаться за прибылью, Линда часто искала людей или проекты, которые помогали ветеранам с первоначальными взносами на новое жилье. Или помещения, которые по карману ветеранам. Ветеранам Вьетнамской войны. Афганским ветеранам. Иракским ветеранам.

— Среди них слишком много бездомных, — говорила она мужу.

Он любил в ней эту черту.

Облака снаружи по-прежнему обступали самолет, теснили его, несли с собой темноту, от которой внутри у Дэна всколыхнулся старый страх. Все тело напряглось. Взгляд сам устремился к аварийному выходу. До него два шага. Один, если прыгнуть. Еще в аэропорту он обратился к агенту на регистрации:

— Пожалуйста, устройте мне место у аварийного выхода.

— Простите, сэр?

Он показал инвалидное удостоверение ветерана, но агент все-таки покачал головой:

— Все места у аварийных выходов заняты.

Эшленд шагнул к нему ближе и процедил сквозь сжатые зубы:

— Послушайте, я должен сидеть у выхода, иначе не смогу лететь.

Теперь он был рад, что не отступился и что выход впереди него, а не позади.

Дэн сосредоточился на дыхании и велел себе успокоиться. После нескольких глубоких вдохов и выдохов он ясно понял, каким идиотизмом была эта сцена с местом у выхода. Почему ему вечно нужно соответствовать образу типичного придурковатого ветерана? Он что, собирался выбить дверь и сигануть за борт посреди рейса?

Он надел наушники, собираясь послушать какую-нибудь успокаивающую музыку, и тут самолет дернулся. Пассажиры вокруг загудели. Кресло под Дэном будто исчезло, он запрокинул голову и вцепился в подлокотники. Самолет терял высоту. Слишком быстро. По телу разлился жар. Вокруг загрохотало, а когда они вошли в зону турбулентности, салон жестоко тряхнуло.

Из громкоговорителей донесся голос капитана, призывающий пассажиров пристегнуться. Отчаянная тряска продолжалась.

Старый страх змеей извивался внутри Дэна, то свиваясь кольцами, то разворачиваясь. Он закрыл глаза и неожиданно вновь оказался в кабине своего вертолета времен войны, а облака снаружи сменились вьетнамскими джунглями, которые дико кружились перед лобовым стеклом.

— Справа от хвостового винта всего полтора фута свободного пространства! — кричал у него в наушниках Хардести.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

НГУЕН ФАН КЮЭ МАЙ
ДИТЯ ПЫЛИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.09.2025.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 25,20. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



R-R5W-37159-01-R